

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2025, Том 16, № 4 / 2025, Vol. 16, Iss. 4 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2025.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK425.pdf>

DOI: 10.15862/26FLSK425 (<https://doi.org/10.15862/26FLSK425>)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Субиннуэр Устойчивые сравнения, характеризующие образ мужчины в русском и уйгурском языках / Субиннуэр, А. В. Хруненкова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2025. — Т. 16. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK425.pdf>. DOI: 10.15862/26FLSK425.

For citation:

Subiinuer, Khrunenkov A.V. Fixed comparisons characterizing the image of a man in the Russian and Uyghur languages. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2025;16(4): 26FLSK425. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK425.pdf>. DOI: 10.15862/26FLSK425. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 811.161.11

Субиннуэр

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия
E-mail: 1550799050@qq.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3619-8085>

Хруненкова Анна Валентиновна

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия
Доцент
Кандидат филологических наук
E-mail: anna.khrunenkov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0564-5671>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=537828

Устойчивые сравнения, характеризующие образ мужчины в русском и уйгурском языках

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые сравнения, характеризующие образ мужчины русского и уйгурского языков, репрезентирующие его характер, поведение и внутренний мир. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения вербальных способов воплощения стереотипов маскулинности в лингвокультурном аспекте, а также недостаточной изученностью уйгурских фразеологических сравнений. Автором проведён сопоставительный анализ 65 устойчивых сравнений русского языка (по данным словарей В.М. Огольцева, В.М. Мокиенко, Л.А. Лебедевой) и 22 устойчивых сравнений уйгурского языка (выявленных по данным опроса носителей языка). Рассмотрены коннотативные особенности сравнений: идеализированные мужские качества (мужество, сила и др.) противопоставляются порицаемым (трусость, болтливость, упрямство и др.). Проведён социолингвистический опрос (54 носителя русского языка и 25 носителей уйгурского языка) с целью выявления знания и употребления данных сравнений. Установлено, что многие русские сравнения устойчиво функционируют в речи (напр. *упрямый как баран*), отражая традиционные стереотипы: идеализация мужчины через образы сильных и благородных существ (лев, рыцарь и др.) и негативная оценка «нежелательных» для мужчины качеств через уподобление женщинам и детям. Анализ уйгурских устойчивых сравнений, описывающих внутренние качества и поведение мужчины, показал, что положительные образы представлены в уйгурском языке более часто и ярко нежели отрицательные (в соотношении 49 негативных к 16 положительным УС в русском языке и 5 негативных к 17 положительным УС в уйгурском языке).

Ключевые слова: устойчивое сравнение; русский язык; уйгурский язык; фразеология; образ мужчины; лингвокультурология; менталитет

Введение

В любой национальной лингвокультурологической традиции происходит осмысление языкового воплощения культурных феноменов. В отличие от материальных ценностей, которые со временем могут меняться, культурные феномены сохраняются на века, поскольку являются частью национального менталитета. Менталитет народа, его духовные ценности, нравственные эталоны воплощаются в национальном языке, философии, культуре. Культурные и духовно-нравственные эталоны сохраняются в образной структуре языка и выражаются с помощью образно-оценочных языковых средств, одним из которых являются устойчивые сравнения (УС).

Устойчивые сравнения любого языка представляют собой особый фразеологизированный пласт лексики, в котором «проявляется дух народа, его ассоциативное воображение, особенности мировоззрения».¹

УС можно включать в состав фразеологии на основании следующих характеристик: устойчивость и воспроизводимость, формальная расчленённость и семантическое единство. Все исследователи отмечают особое место УС в фразеологии в силу их особой компаративной структуры, оценочность и экспрессивность, которые, в отличие от других фразеологических единиц (ФЕ), всегда им присущи, антропоцентричность, а также невозможность разделить УС, как ФЕ, на разные грамматические категории (существительное, прилагательное, глагол, наречие).

Особое место устойчивых сравнений отмечают многие исследователи. Например, вслед за Л.А. Лебедевой, В.А. Маслова в книге «Лингвокультурология» указывает на то, что «устойчивое сравнение не только понятие, фигура речи или стилистический прием, но особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная значением и особой формой его выражения».²

В.М. Мокиенко указывает на динамичность развития УС, его оценочность и экспрессивность: «Оно — не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство её оценки. Сравнение экспрессивно, наглядно, образно, характеризует явления человека, явления природы, повседневные ситуации» [1].

В настоящей работе мы будем придерживаться определения УС В.М. Мокиенко, так как оно наиболее полно характеризует сложное понятие устойчивых сравнений.

Обращение к анализу устойчивых сравнений, характеризующих образ мужчины в русском и уйгурском языках, обусловлено их особой значимостью в структуре языковой картины мира. Данные фразеологические единицы представляют собой не просто стилистические фигуры, а некие «шаблоны» и стереотипы, которые функционируют как готовые формулы восприятия у разных народов.

Актуальность рассматриваемых УС как фрагмента языковой картины мира определяется несколькими факторами. Во-первых, устойчивые сравнения, характеризующие мужчину, демонстрируют представление о мужской роли в обществе в сознании носителей

¹ Воробьёва Л.Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: Специфика образности: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / С.-Петербург. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2002. — 252 с.

² Маслова В.А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001. — 208 с.

разных языков. Через такие устойчивые сравнения (например, *сильный как бык (русский язык)*) в языке транслируется определенная модель поведения мужчины, которая выступает как инструмент социализации. Такие конструкции не всегда отражают объективные физические и моральные качества мужчины, а зачастую отражают социально ожидаемые и одобряемые качества. Во-вторых, сравнивая устойчивые сравнения в двух языках и соответственно в двух культурах, появляется возможность выявить как универсальные, так и национально-специфические черты в восприятии образа мужчины и маскулинности в целом.

Цель данной статьи — выявить и охарактеризовать средствами сопоставительного анализа образ мужчины, отраженный в устойчивых сравнениях русского и уйгурского языков.

Материалом послужили устойчивые сравнения, описывающие характер, поведение и внутренний мир мужчины. Из «Словаря устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [2], «Большого словаря русских народных сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной³, тематического словаря устойчивых сравнений русского языка Л.А. Лебедевой⁴ было отобрано 65 единиц.

С целью верификации данных нами был проведен опрос среди носителей русского языка, в котором приняло участие 54 информанта в возрасте от 18 до 30 лет. Информантам предлагался список из 65 выражений (без объяснения значений и контекста, так как предполагалось, что их значения испытуемые знают) и три варианта ответа для каждого: «Знаю и употребляю», «Знаю, но не употребляю» или «Не знаю». Таким образом, измерялись два показателя — узнаваемость фразеологизма и его актуальность и употребимость в живой речи.

Важным методологическим аспектом настоящего исследования стал способ сбора УС уйгурского языка. В отличие от русского языка, имеющего многочисленные фразеологические словари, уйгурская лексикография не располагает специализированными словарями устойчивых сравнений. Именно поэтому для анализа УС в двух языках — русском и уйгурском — понадобилось применение альтернативного метода сбора языкового материала, а именно обращение к носителям языка путем опроса. Носителям языка было предложено назвать известные им устойчивые сравнения, которые используются для характеристики мужчин.

В опросе приняло участие 25 информантов в возрасте от 18 до 60 лет. Цель опроса — выяснить, какие устойчивые сравнения из рассмотренного корпуса им знакомы и используются в современной речи. С помощью метода анкетирования нами было получено 22 УС, входящих в тематическую группу «Характер, поведение и внутренний мир».

Содержание статьи

Русские устойчивые сравнения, описывающие характер и поведение человека, чрезвычайно богаты и разнообразны. Из вышеуказанных словарей нами было отобрано 170 устойчивых сравнений, описывающих мужчину, которые относятся к разным тематическим группам: физическая сила, здоровье и телосложение; красота, статность и ухоженность; негативные характеристики внешности и телосложения; социальные и поведенческие роли мужчины, а именно семейные и возрастные роли и социальные роли мужчины. Однако для настоящей статьи была выбрана тематическая группа «характер, поведение и внутренний мир мужчины». Данная тематическая группа является наиболее многочисленной среди других

³ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 784 с.

⁴ Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. — Краснодар: Изд-во Краснодарского ун-та, 1998. — 161 с.

классифицированных тематических групп (например, физическая сила — в русском языке — 16 УС, в уйгурском языке группа «физическая сила, здоровье и телосложение» — 12 УС, в сравнении с группой «характер, поведение и внутренний мир» в русском языке — 65 УС, в уйгурском языке — 22 УС), именно поэтому для анализа в настоящей работе была выбрана соответствующая тематическая группа.

Состав рассматриваемой группы насчитывает 65 устойчивых сравнений. Семантический диапазон сравниваемых качеств охватывает как положительные, социально одобряемые черты, так и отрицательные черты, высмеиваемые или осуждаемые. Анализ языкового материала показал, что отрицательных черт, описывающих мужчину через УС, значительно больше. Насчитывается 49 УС с отрицательной коннотацией и 16 УС с положительной коннотацией в русском языке.

К числу сравнений с положительной коннотацией (16 УС) относятся, прежде всего, выражения, восхваляющие *силу, храбрость и благородство мужчины* (4 УС). Традиционный герой-мужчина в русской фразеологии уподобляется сильным и благородным животным. Например, *храбрый как лев* (знают 62,7 % опрошенных) — сравнение, которое закрепилось в русском языке для характеристики бесстрашного, отважного мужчины (лев — как символ царя зверей и храбрости). Также в эту группу входят такие УС как *драться как лев, вести себя как настоящий мужчина, поговорить как мужчина с женщиной*.

Данные 4 УС частично представлены во всех трех словарях. Так, *храбрый как лев* представлен в словаре Огольцева В.М. и Лебедевой Л.А., *драться как лев* в словаре Огольцева В.М., *вести себя как настоящий мужчина* в словаре Мокиенко В.М., *поговорить как мужчина с женщиной* в словаре Мокиенко В.М.

Анализ вхождений в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) показал, что в нем представлено небольшое количество контекстов употребления рассматриваемых УС. Некоторые устойчивые сравнения, активно используемые носителями русского языка, представлены 1–2 примерами или не представлены в НКРЯ вовсе. Например, УС *поговорить как мужчина с женщиной* по результатам опроса известен 28 информантам (47,5 %), из которых 13 (22 %) активно используют его в речи, тогда как в основном корпусе НКРЯ предлагается 1 пример: «Пора нам, наконец, *поговорить как мужчина с женщиной*» [3].

Аналогичная ситуация с УС *храбрый как лев*, который представлен в НКРЯ одним примером: «Он был телом сильный, как бык, и *храбрый, как лев*, а душой слабый, как вода» [4], тогда как по результатам опроса 37 из 65 человек, то есть 62,7 % знают и 15 из 65 человек, то есть 25,4 % знают и употребляют данное устойчивое сравнение.

Сравнивая УС русского и уйгурского языков хочется отметить, что из 25 респондентов уйгурского языка люди в возрасте от 35 до 60 лет знают и активно используют в речи все предложенные УС, тогда как респонденты в возрасте от 18 до 34 лет знают только часть из них. Так, более молодое поколение носителей уйгурского языка из выбранной тематической группы, охватывающей 22 устойчивых выражения, знают и активно используют следующие УС: *мужественный/великодушный как орел, сердце широкое как небо, как настоящий мужик, смелый как лев, сердце как камень, воля крепка как сталь, жестокий как волк, веселый как ребенок, поведение как у ребенка*.

Можно отметить, что многие из этих выражений по своей семантике близки к универсальным моделям, известным и в русском, и в других языках, однако есть и самобытные, характерные именно для уйгурской культуры образы (*его искренность как масло*).

К выделенной группе «*выражения, восхваляющие силу, храбрость и благородство мужчины*» в уйгурском языке также относятся УС, которые восхваляют мужество, отвагу и силу мужчины. Как и в русском языке, одним из главных эталонов является *лев*: например,

уйгурское выражение, дословно переводимое как «смелый как лев», употребляется для характеристики очень храброго мужчины (полный эквивалент русскому *храбрый как лев*). Ещё один близкий образ — это «*храбрый как воин*», сравнение с воином подчёркивает бесстрашие. Также к этой группе в уйгурском языке относятся *мужественный*, *благородный как орел*, как *настоящий мужик*.

В ходе опроса носителям русского языка было предложено привести свои примеры известных им устойчивых сравнений, описывающих характер, поведение и внутренний мир мужчины. Таким образом, мы получили примеры, которые есть в словарях (*храбрый как лев*) и примеры, которых в словарях не было (*как за каменной стеной*, *храбрый как собака*, *сильный духом как скала*, *благородный как рыцарь*, *вести себя как герой*).

Другой важный пласт положительных сравнений связан с идеалом поведения мужчины в обществе — *галантностью*, *порядочностью*, *ответственностью*. Здесь наблюдается обращение к культурным архетипам «джентльмена» и «рыцаря». Устойчивые выражения *вести себя как джентльмен* и *вести себя как рыцарь* характеризуют мужчину, который ведет себя благородно, вежливо, с уважением относится к женщине или, напротив, является слабым. Оба выражения достаточно распространены: согласно результатам опроса, более половины информантов не только знают, но и употребляют их. Эти образы прочно вошли в русский язык и стали эталонами мужского поведения. УС *вести себя как джентльмен* знают и употребляют 34 человека (57,6 %) и знают, но не употребляют 13 человек (22 %). УС *вести себя как рыцарь* знают и употребляют 14 человек (57,6 %) и знают, но не употребляют 13 человек (22 %).

К данной группе можно отнести также УС *ухаживать как родной отец*, однако большинство респондентов — 67,8 % его не знают. Все три УС данной группы представлены в разных словарях (*вести себя как джентльмен* — Л.А. Лебедева, *вести себя как рыцарь* — В.М. Мокиенко, *ухаживать как родной отец* — В.М. Мокиенко).

В НКРЯ представлено 3 вхождения для УС *вести себя как джентльмен*: (1) И вам не болеть, — ответил Баев, взгляд у него был жестковат, я бы не поручилась за то, что он и дальше будет *вести себя как джентльмен* [5]; (2) Согласитесь, ходить целый день с прилизанной прической, *вести себя как джентльмен*, наваривать каши и супы и бесконечно сыпать комплиментами по плечу не каждому представителю сильного пола [6]; (3) Я подумал, — говорил Эррио, — должен ли я *вести себя как джентльмен*, или как апаш.⁵ Тогда как для УС *вести себя как рыцарь* и *ухаживать как родной отец* не встретилось ни одного контекста употребления в НКРЯ.

В уйгурских УС нередко фигурируют стихийные или природные образы для положительной характеристики мужчины. Так, о чрезвычайно ответственном мужчине можно сказать «*ответственный как гора*» — гора символизирует надёжность и устойчивость. Необычным является выражение «*сердце широкое как небо*». Так говорят о человеке доброй души, великодушном. Ещё один самобытный уйгурский образ закреплён в УС «*его искренность как масло*», характеризующим мужчину как мягкого, нежного. Масло ассоциируется с мягкостью, плавностью, поэтому данное устойчивое сравнение подчеркивает мягкость и деликатность мужчины.

В ходе опроса русские информанты не дали свои примеры, которые относились бы к данной группе.

В положительный портрет мужчины в русских сравнительных фразеологизмах входят и такие черты, как *преданность* и *верность*. Их выражение основано на разных культурных

⁵ Аросев, А.Я. Дневниковые записи, 1935 г. [Электронный ресурс] / А.Я. Аросев // Прожито: электронный корпус личных дневников. — URL: <https://prozhito.org/person/3> (дата обращения: 25.11.2025).

образах. Так, *преданный (верный) как пёс* — устойчивое сравнение, восхваляющее верность мужчины (особенно в дружбе) через образ собаки, которая является символом преданности своему хозяину. Данное выражение знакомо большинству носителей: 25 из 54 опрошенных указали, что знают его (42,4 %), причём 17 информантов активно употребляют данное УС (28,8 %).

Особого внимания заслуживают сравнительные фразеологизмы, описывающие эмоциональную *теплоту и нежность мужчин*, такие качества, которые стереотипно реже приписываются «настоящему мужчине», однако представлены в языке. Их также можно отнести к данной группе. Например, *ласковый как телёнок* — доброжелательно-шутливое сравнение, описывающее очень ласкового мужчину через образ телёнка, который является символом кротости. Сходное выражение *ласкаться как щенок* характеризует склонность мужчины к ласке, уподобляя его щенку.

Таким образом, к данной группе можно отнести следующие УС: *преданный (верный) как пёс, ласковый как телёнок, смирный как теленок, ласкаться как щенок, влюбляться как мальчишка*.

По результатам опроса *ласковый как теленок* знают 24 человека — 40,7 %, употребляют 10 из них — 16,9 %, *смирный как теленок* знает 21 человек — 35,6 %, употребляет 4 из них — 6,8 %, *ласкаться как щенок* знают 25 человек — 42,4 %, употребляет 3 из них — 5,1 %, *влюбляться как мальчишка* знают 29 человек — 49,2 %, употребляют 15 из них — 25,4 %.

УС данной группы также недостаточно представлены в НКРЯ. Так, *ласковый как теленок* представлен в одном примере: «Вы не смотрите, что он тихонький да *ласковый, как теленок*» [7]. *Смирный как теленок* имеет также одно вхождение: (1) Мелькнули ворота и сонливо сторожащий их полицейский, грозный и жирный, но *смирный, как теленок*, и мы — на улице города [8]. УС *влюбляться как мальчишка* и *ласкаться как щенок* не имеют ни одного вхождения в НКРЯ.

В уйгурском языке отдельные сравнения обладают особым характером. Так, выявлено сравнение «*нежный как шерсть*», употребляемое в уйгурском языке для характеристики мужчины, обладающего нежностью, мягкостью. Здесь шерсть воспринимается как что-то очень мягкое и приятное, поэтому такая характеристика имеет положительное значение. Также в эту группу можно отнести УС уйгурского языка *терпеливый как верблюд* как демонстрация стойкости духа мужчины.

Благодаря опросу нам удалось выявить пример русского УС, который относится к данной группе: *ласковой как котенок*. Два информанта назвали данный УС.

Кроме того, важной чертой мужского образа является *стойкость, твёрдость духа и тела*. В русском языке в рассматриваемых словарях устойчивых сравнений нами не были обнаружены УС, входящие в данную группу. Среди УС, предложенных информантами, они также не были выявлены. Однако среди устойчивых сравнений уйгурского языка такие примеры есть.

Так, в уйгурском языке *стойкость, твёрдость духа и тела* выражается через сравнения с прочными материалами: *твёрд как камень, крепкий как дуб*. Несмотря на то, что данные обороты могут относиться и к человеку вообще, в контекстах часто подразумевают именно мужчину.

Значительная доля (49 из 65) устойчивых сравнений рисует негативный образ мужчины — либо высмеивая его недостатки, либо порицая отклонения от условной «маскулинной нормы». Как правило, негативная оценка образа мужчины связана с *сравнением мужчины с кем-то, прежде всего с женщиной или ребёнком*, что несет негативную коннотацию. К данной группе

относятся УС, демонстрирующие «недостаточную мужественность» мужчины. В русской культурной традиции мужчине нужно быть сильным, смелым, сдержанным. Соответственно, сравнение его с женщиной обычно несёт оскорбительный или пренебрежительный характер.

Один из примеров — *боится как баба* является грубым разговорным выражением, означающим крайнюю трусость мужчины, который в данном контексте приравнивается к «бабе» (женщине). Женщина в данном УС стереотипно представляется как более слабая. Результаты опроса показали, что данное УС знают 30 человек (50,8 %) и 18 человек употребляют в речи (30,5 %).

Далее *плакать как баба* — укор мужчине за излишнюю эмоциональность, слёзы. Результаты опроса показали, что данное УС известно 51 из 54 информантов, 18 из которых активно его употребляют (30,5 %). Ему эквивалентно по смыслу *плакать как девчонка*, которое также довольно распространено: 53 из 54 знают, 36 употребляют. Интересно отметить, что именно выражение *плакать как девчонка* оказалось самым часто употребляемым среди всех устойчивых сравнений: более 60 % опрошенных отмечают, что используют его в своей речи. Это подтверждает тезис о существовании стереотипа «мужчина не плачет» в русской языковой картине мира.

Отметим сравнения, высмеивающие мужскую болтливость и скандальность через отождествление с женским образом. Выражение *болтать как базарная баба* (или просто *как баба*) характеризует излишне говорливого мужчину, сплетника: 31 из 54 респондентов его знают (52,5 %), 19 используют в речи (32,2 %).

К данной группе также можно отнести следующие УС: *капризный как дева* (знают и употребляют 27,1 % человек), *вести себя хуже бабы* (знают и употребляют 16,9 % человек), *ворчливый как старая баба* (знают и употребляют 23,7 % человек), *скандальный как базарная баба* (знают и употребляют 10,2 % человек), *характер как у бабы* (знают и употребляют 25,4 % человек), *неловкий как баба* (знают и употребляют 20,3 % человек), *скромный как девица* (знают и употребляют 10,2 % человек), *стесняться как барышня* (знают и употребляют 35,6 % человек), *трусливый, пугливый как баба* (знают и употребляют 20,3 % человек). Данная группа является наиболее многочисленной среди всех групп как положительных, так и отрицательных (13 УС из 65).

Все перечисленные УС данной группы, сравнивая мужчину с женщиной, имеют исключительно негативную коннотацию, уподобляя его слабому физически и морально, трусливому, истеричному, безвольному и нерешительному человеку.

В НКРЯ, как и в предыдущих группах, для большинства УС не были обнаружены контексты употребления анализируемых УС. Здесь речь идет о таких УС, как: УС *боится как баба*, *плакать как баба*, *болтать как (базарная) баба*, *капризный как дева*, *вести себя хуже бабы*, *ворчливый как старая баба*, *скандальный как базарная баба*, *характер как у бабы*, *неловкий как баба*, *стесняться как барышня*, *трусливый, пугливый как баба*.

Однако с некоторыми УС встречаются примеры в НКРЯ. Например, *плакать как девчонка*: (1) По дороге пообещал: «**Плакать, как девчонка**, не буду» [9]; (2) Но компас взял я. Мариано мог только **плакать, как девчонка**. Мальмгрен обнял его и утешал, как ребенка [10]. *Скромный как девица*: «Кроткий в обращении, **скромный, как девица**, осторожный в суждениях, он принадлежал к тем людям, коих души имеют нужду в сильных потрясениях» [11].

УС данной группы представлены в словарях В.М. Мокиенко, Л.А. Лебедевой, В.М. Огольцева следующим образом: *капризный как дева* (В.М. Огольцев), *вести себя хуже бабы* (В.М. Мокиенко), *ворчливый как старая баба* (В.М. Мокиенко, Л.А. Лебедева, В.М. Огольцев), *скандальный как базарная баба* (В.М. Мокиенко), *характер как у бабы*

(В.М. Мокиенко), *неловкий как баба* (В.М. Огольцев), *скромный как девица* (В.М. Огольцев), *стесняться как барышня* (В.М. Огольцев, Л.А. Лебедева), *трусливый, пугливый как баба* (Л.А. Лебедева).

Уйгурские устойчивые сравнения также содержат негативные образы мужчины, однако их намного меньше (в соотношении 5 негативных к 17 положительным УС). Существенным отличием от русского языка является почти полное отсутствие сравнений с женщинами, то есть нет прямых эквивалентов русским «*как баба*», «*как девка*» и т. п. Вместо этого негативная характеристика чаще выражается через зооморфные образы. Например, *жестокый как волк*. Волк в традиционной культуре олицетворяет хищную жестокость. Скупость или дурной характер мужчины может выражаться сравнением с ослом *скверный характер как ишак (осёл)*. Сравнение *глупый как осёл* (или *как ишак*) полностью совпадает по смыслу с русским сравнением *глуп как осёл*. То есть, образ осла как символ отрицательных качеств мужчины является общим для обоих языков, что, вероятно, связано с универсальностью наблюдений за повадками этого животного.

Носители русского языка в опросе для описания данной группы дали наибольшее количество собственных примеров. Так, мы получили следующие УС, характеризующие «недостаточную мужественность» мужчины: *ныть как баба* (4 упоминания), *реветь как баба*, *вести себя как маленький* (2 упоминания), *вести себя как ребенок*. Все эти УС также представлены и в словарях устойчивых сравнений.

Опираясь на примеры, данные респондентами, рассмотрим другую группу — сравнения, которые демонстрируют *недостаточную мужественность*. Например, *беспомощный как младенец* (или вариант *как мальчик*) — выражение, обозначающее крайне беспомощного, несамостоятельного мужчину. Образ младенца здесь передаёт абсолютную зависимость, слабость. *Беспомощный как младенец* известно большинству (50 из 54, из них 20 употребляют), в то время как вариант *как мальчик* знают меньше (40 %, и лишь 13 употребляют), вероятно, потому что «младенец» представляется более универсальным эталоном беспомощности, чем мальчик.

В данную группу также можно отнести такие УС как *вести себя как мальчишка*, *вести себя как пацан*, в которых мужчина сравнивается с маленьким ребенком, не способным самостоятельно принимать решения и вести себя «по-взрослому».

УС *беспомощный как младенец*, *беспомощный как мальчик* найдены во всех трех словарях. УС *вести себя как мальчишка*, *вести себя как пацан*, *смотреть на что-либо как маленький мальчик* найдены в одном словаре — Л.А. Лебедевой

В НКРЯ нами были обнаружены следующие примеры:

1. *Беспомощный как младенец*: (1) Ну не странно ли так говорить о здоровенном парне размером с дом, куртка которого пропахла бензином, а волосы опять отросли и лезут в глаза, который выносит соседу дверь, чтобы спасти кошку, спит на стульях, с грохотом валится на пол посреди ночи, пьет из аквариума, носит майку, шьет, вяжет, за руку держит, ничего о себе не рассказывает — а зачем? величиной со все, что в мире есть хорошего, ростом до луны, до солнца *беспомощный как младенец* первый человек на земле [5]; (2) Он лежал в постели, *беспомощный, как младенец*, но розовощекий, цветущий и озабоченный одним [12].

2. *Беспомощный как мальчик* — примеры отсутствуют.

3. *Вести себя как мальчишка*: (1) Вообще-то я человек серьезный, — насупил брови Куликов, — но с тобой мне хочется *вести себя, как мальчишка* [13]; (2) Он-то, как маленький, в глубине души боялся, что вернется сейчас на станцию, а отчим начнет ругаться — мол, куда

подевался, какая безответственность, сколько можно *вести себя, как мальчишка*... [14]; (3) Но в общем виноват я — нельзя в пятьдесят восемь лет *вести себя как мальчишка*... [15].

4. *Вести себя как пацан* — примеры отсутствуют.

5. *Смотреть на что-либо как маленький мальчик* — примеры отсутствуют.

Одно из центральных качеств, которым часто наделяют мужчин в негативном ключе — *упрямство*. Для описания упрямства русский язык имеет богатый ряд зооморфных эталонов: *упрямый как баран*, *упрямый как ишак*, *упрямый как козёл*, реже *упрямый как бык*. В русском языке наиболее употребительным оказывается именно *баран*: по результатам опроса *упрямый как баран* знают практически все (53 из 54), и 32 человека часто используют его в своей речи — это один из самых высоких показателей употребления.

Все эти примеры УС найдены в одном словаре В.М. Огольцева. В НКРЯ представлены примеры из текстов только УС *упрямый как бык*: (1) Причем *упрямый как бык*, неразговорчивый, ни на какие слова и шутки не отвечал и все время таскался за этой Ирой [16]; (2) Да не туда! — закричала девчонка и сердито топнула ногой. У, какой *упрямый, как бык*! Как не туда? — удивился старик [17]; (3) У нас все с норовом: один себе на уме, *упрямый, как бык*, считает себя умнее всех, из-под власти, как с цепи, рвется; другой, как пескарь, мызгает да у чеботаря пропадает, а чеботарить не пахать, не косить, третий, как скряга, свое копит, а тятеньке глаза отводит [18].

В уйгурском языке к данной группе относятся следующие УС: *упрямый как бык* и *скверный характер как у ишака*.

Следует обратить внимание на то, что в ответах носителей русского языка наибольшее количество примеров связано именно с характеристикой упрямства. Так, информанты выделили УС *упрямый как осел*, которое встретилось у 10 информантов.

Ещё одна черта — *злость, жестокость*. В русском языке зооморфные эталоны злого человека включают, прежде всего, *злой как волк* и *злой как пёс*. Оба образа рисуют агрессивное и недоброжелательное поведение. Выражение *злой как волк* широко известно (30 человек знают и употребляют, то есть 50,8 %), также как *злой как пёс* (36 человек, то есть 61 % знают, 8 человек, то есть 13,6 % знают и употребляют). Менее известное сравнение в данной группе *злой как хорек*. Более 70 % участников опроса отметили, что не знают такого УС. Все три УС взяты из одного словаря.

В НКРЯ удалось найти следующие вхождения: (1) Зря ты это... Он *злой, как пёс*... Ты смотри [19]; (2) Выскочил на инструктаж вахты — *злой, как пёс*, и, взглянув на закат, буквально поперхнулся;⁶ (3) Лицо рябое, сам постный, *злой, как пёс* цепной [20]; (4) Охранник по кличке Бурундук, маленький, плюгавый, *злой, как хорек*, сидевший в засаде на перевале, подловил его во время одного из походов на Буденный [21].

В примерах УС уйгурского языка к данной группе можно отнести только один пример — *жестокый как волк*.

В данной группе мы выделили подгруппу *коварство/ревнивость*: для обозначения ревнивого мужчины используются сравнения *ревнив как Отелло* (образ шекспировского героя) и *ревнив как чёрт* (образ крайней ревности). Первое сравнение культурно маркировано (Отелло — символ ревности), однако, оказался незнакомым для 52,5 % участников опроса; второе УС — *ревнив как чёрт* — чуть более известно (22 человека его знают (37,3 %),

⁶ Курников, Ю.Ф. Дневниковые записи, 1969 г. [Электронный ресурс]: [рукопись] / Ю.Ф. Курников // Прожито: электронный корпус личных дневников. — URL: <https://prozhito.org/person/357> (дата обращения: 25.11.2025).

9 употребляют в речи (15,3 %)). Для носителей уйгурского языка, по данным опроса, образ ревнивого мужчины отсутствует.

В НКРЯ для УС *ревнив как Отелло* встретилось 7 примеров. Приведем некоторые из них: (1) Он не стал предупреждать жену о точном дне приезда — решил нагрянуть неожиданно: Броневицкий был хороший человек, прекрасный музыкант, но *ревнив как Отелло*... [22]; (2) Одно, с ее стороны, подло: она, по настоянию своего восточного человека, который *ревнив, как Отелло*, порвала со мной всякое знакомство, и я не могу даже прибегать к помощи моей бывшей подруги жизни [23]; (3) А между тем был этот губернатор не из потворщиков и послабников — к власти своей *ревнив, как Отелло*, и в самодурстве необуздан, как Тамерлан. [26].

Выводы

В заключение отметим, что большинство русскоязычных респондентов хорошо знакомы с наиболее частотными устойчивыми сравнениями, относящимися к мужскому поведению. Например, выражения *упрямый как баран, храбрый как лев, плачет как девчонка, злой как волк* оказались знакомы 80–98 % опрошенных, причём значительная доля информантов указали, что активно употребляют эти обороты в речи. Эти фразеологизмы можно отнести к числу устойчивых сравнений, по-прежнему живых и актуальных в современном русском языке.

Обзор материала уйгурских устойчивых сравнений показал, что, несмотря на меньшее число выявленных устойчивых выражений по сравнению с русским языком, в целом образ мужчины в уйгурских сравнениях достаточно чётко структурирован: идеальный мужчина — смелый, сильный, благородный (*орёл, лев, воин и т. д.*), тогда как плохие качества мужчины — жестокость, упрямство — соотносятся с образами свирепых или упрямых животных (*волк, бык, осёл*). Анализ уйгурских устойчивых сравнений, описывающих внутренние качества и поведение мужчины, дает возможность заключить, что положительные образы представлены в уйгурском языке более часто и ярко нежели отрицательные (в соотношении 49 негативных к 16 положительным УС в русском языке и 5 негативных к 17 положительным УС в уйгурском языке).

Среди негативных черт в русском языке наиболее ярко выражены сравнения с женщиной, которые высмеивают недостаточную с точки зрения общества мужественность. Ключевыми выступают трусость и излишняя эмоциональность. В уйгурском языке негативный портрет мужчины строится преимущественно через зооморфные образы, а не через сравнение с женщиной. То есть ядро негативного портрета мужчины в двух лингвокультурах формируется по-разному: в русском языке оно строится преимущественно на гендерном противопоставлении, в уйгурском языке, напротив, негативная характеристика дается исключительно через образы свирепых животных.

Также следует обратить внимание на то, что анализ результатов опроса не показал никаких особенностей в функционировании и использовании устойчивых сравнений в речи между мужчинами и женщинами. И мужчины, и женщины разных возрастов давали примерно одинаковые результаты.

В заключение отметим, что проведенное исследование продемонстрировало противоречивый образ мужчины с лингвокультурологической точки зрения. С одной стороны, мужчина должен соответствовать идеалу силы, благородства, стойкости, а с другой стороны — язык демонстрирует обширный арсенал сравнений для осуждения любого отклонения от нормы, заложенной обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко, В.М. Системность устойчивых сравнений [Текст] / В.М. Мокиенко. // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. — СПб., 2016. — С. 37–49.
2. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 192 с.
3. Ефимов, И.М. Суд да дело / И.М. Ефимов. — Текст: непосредственный // Звезда. — 2001. — № 7. — С. 9–69
4. Толстой, Л.Н. Хаджи-Мурат / Л.Н. Толстой. — Текст: // Полное собрание сочинений: в 90 т. — Москва: ГИХЛ, 1950. — Т. 35: Произведения 1902–1904 гг. — С. 22–132.
5. Завершнева, Е.А. Высотка: [роман] / Е. А. Завершнева. — Москва: Время, 2012. — 544 с.
6. Абгарян, Н.Ю. Всё о Манюне: [сборник] / Н.Ю. Абгарян. — Санкт-Петербург: Астрель-СПб, 2012. — 411 с.
7. Якубович, П.Ф. В мире отверженных: [роман]: т. 1 / П.Ф. Якубович. — Текст // Русское богатство: журнал. — 1896. — № 1-12. — 400 с.
8. Новиков-Прибой, А.С. По-темному: рассказ / А.С. Новиков-Прибой. — Текст: непосредственный // В сборнике: Новиков-Прибой А.С. Море зовет. — Москва: Советская Россия, 1957. — С. 207–218.
9. Каргапольцева, Л.Г. Девятый день отчаянья: [о Беслане] / Л.Г. Каргапольцева. — Текст // Общая газета. — 1998. — 4 февр. (№ 5). — С. 11
10. Шпанов, Н.Н. Старая тетрадь: повесть / Н.Н. Шпанов. — Текст // Шпанов Н.Н. Красный камень: [сборник] / Н.Н. Шпанов. — Москва: Советский писатель, 1957. — С. 5–150.
11. Михайловский-Данилевский, А.И. Журнал 1813 года / А.И. Михайловский-Данилевский. — Текст // Военные дневники / [сост., вступ. ст., примеч. А.Г. Тартаковского]. — Москва: Советская Россия, 1990. — С. 320–400.
12. Николаева, Г.Е. Битва в пути: роман / Г.Е. Николаева. — Москва: Советский писатель, 1959. — 783 с.
13. Сухов, Е.Е. Делу конец — сроку начало: [роман] / Е.Е. Сухов. — Москва: Эксмо, 2007. — 384 с.
14. Глуховский, Д.А. Метро 2033: [роман] / Д.А. Глуховский. — Санкт-Петербург: Популярная литература, 2005. — 400 с.
15. Эренбург, И.Г. Оттепель: повесть / И.Г. Эренбург. — Москва: Советский писатель, 1956. — 155 с.
16. Са и Со: рассказ. — Текст // Домовой: журнал. — 2002. — № 8 (август). — С. 48–51.
17. Курочкин, В.А. Последняя весна: повесть / В.А. Курочкин. — Ленинград: Лениздат, 1968. — 222 с.
18. Гладков, Ф.В. Повесть о детстве / Ф.В. Гладков. — Москва: Советский писатель, 1948. — 435 с.
19. Рыбин, А.В. Последняя игра: роман / А.В. Рыбин. — Москва: Вагриус, 2000. — 428 с.

20. Гребенщиков, Г.Д. Настасья: рассказ / Г.Д. Гребенщиков. — Москва: журнал «Пробуждение», 1911. — № 19. — С. 10–13.
21. Жженов, Г.С. Прожитое: из дневников и воспоминаний / Г.С. Жженов. — Москва: АСТ: Зебра Е, 2008. — 810 с.
22. Магомаев, М.М. Любовь моя — мелодия: [воспоминания] / М.М. Магомаев; [лит. запись Т.А. Черниной]. — Москва: Вагриус, 1999. — 287 с.
23. Гейнце, Н.Э. Дорогая шляпа: (из закулисной жизни петербургского кафешантана) / Н.Э. Гейнце. — Санкт-Петербург: Типография Монтвида, 1912. — 32 с.
24. Амфитеатров, А.В. Княжна: из семейных преданий: роман в 3 ч. / А.В. Амфитеатров. — Москва: Тип. А. А. Карцева, 1896. — 457 с.
25. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка / В.В. Виноградов // Мысли о современном русском языке: сборник статей. 1969. С. 5–23.
26. Малькова В.В. Устойчивые сравнения при описании человека // Русская речь. — 2014. — № 5. — С. 57–61.
27. Пасевич З.В., Ма Юэцзя. Сравнения, описывающие характер человека, в лингвокультурологическом аспекте // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журнал. — 2024. — № 06(110). — URL: <https://scipress.ru/philology/articles/sravneniya-opisyvayushhie-kharakter-cheloveka-v-lingvokulturologicheskom-aspekte.html> (дата обращения: 20.11.2025).
28. Исмаилов Г.М. Лингвокультурологическое исследование гендерного стереотипа в тюркской фразеологии (на материале узбекского, казахского и каракалпакского языков) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2017. — Т. 14, № 1. — С. 85–92.

Subiiner

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: 1550799050@qq.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3619-8085>

Khrunenkov Anna Valentinovna

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: anna.khrunenkov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0564-5671>
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=537828

Fixed comparisons characterizing the image of a man in the Russian and Uyghur languages

Abstract. The article examines stable similes in the Russian and Uyghur languages that represent the image of a man through character traits, behavior, and inner qualities. The relevance of this study stems from the linguocultural interest in stereotypes of woman and man entrenched in language, as well as the insufficient research on Uyghur phraseological comparisons. A comparative analysis was conducted on 65 Russian fixed comparisons (based on data from dictionaries by V.M. Ogoltsev, V.M. Mokienko, L.A. Lebedeva) and 22 Uyghur fixed comparisons (identified from a survey of native speakers). The connotative features of the similes are examined: idealized masculine traits (courage, willpower, bravery) are contrasted with disapproved qualities (cowardice, talkativeness, stubbornness, etc.) A sociolinguistic survey (54 Russian speakers and 25 Uyghur speakers) on the knowledge and usage of these similes was carried out. It was found that many Russian comparisons remain active in speech (e.g., «stubborn as a ram» — upryamy kak baran), reflecting traditional stereotypes: the idealization of a man via images of strong and noble beings (lion, knight, etc.) and negative evaluation of «undesirable» male qualities through comparison to women and children. An analysis of Uyghur stable comparisons describing the inner qualities and behavior of men showed that positive images are presented in the Uyghur language more often and vividly than negative ones (in the ratio of 49 negative to 16 positive stable comparisons in Russian and 5 negative to 17 positive stable comparisons in the Uyghur language).

Keywords: stable comparison; Russian language; Uyghur language; phraseology; image of a man; linguoculturology; mentality